

*Никто не умрет девственником.
Жизнь поймает всех.*

Курт Кобейн

*Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам.*

Уильям Шекспир.
«Гамлет»

Пролог

Сумерки постепенно сгущались, обещая скорое наступление ночи. В небе появились первые звезды, а над горизонтом величественно поднималась белая и круглая, как масленичный блин, луна. Ночное светило как будто выглядывало из-за растущего за широким полем хвойного леса, с интересом наблюдая за «хаммером».

Сердито рыча двигателем и подпрыгивая на ухабах, броневедомо-автомобиль военного патруля катил по грунтовой дороге вдоль Периметра бывшей Зоны, а ныне границы тематического парка развлечений «Чернобыль Лэнд». В кабине тряслись двое. Боец с сержантским шевроном на рукаве мирно посапывал носом на пассажирском сиденье. Слева от него, положив обе руки на руль, рядовой с простенькими погонами на плечах равнодушно смотрел на исчезающую под машиной полосу травы между широкими колеями.

За автомобилем тянулся длинный пылевой шлейф. Впереди скошенного к носу короткого капота плыло белое пятно. Насекомые роились в пахнущем медовым разнотравьем воздухе, вспыхивали алмазными искорками в свете фар, грязными кляксами разбивались о ветровое стекло.

Внезапно по капоту машины зазмеились молнии. Рядовой побледнел, испуганно вскрикнул и так резко нажал на тормоз, что «хаммер» клюнул носом. Сержант спросонок не успел среагировать и больно стукнулся головой о лобовое стекло.

— Ты что творишь, Цимбалюк?! — Прижимая ладонь к набухающей на лбу шишке, старший по званию сверлил нерадивого водителя злобным взглядом и не видел скользящих по капоту ослепительно-белых зигзагов.

— Товарищ сержант, я не специально. Там это... чертовщина какая-то творится.



— Че ты несешь? — поморщился сержант. — Какая чертовщина? Ты в своем уме?

— Сами посмотрите.

Сержант повернул голову, увидел облизывающие капот молнии и заорал:

— Задний ход! Живо!

Цимбалюк дернул рычаг коробки передач на себя, топнул ногой в пол. Двигатель заревел. Броневедомобиль шлифанул колесами укатанную до состояния бетона землю и резво отпрянул назад на десяток метров.

— Стой!

Солдат нажал на педаль. «Хаммер» засвистел тормозами, присел на задние колеса и замер, тарыхтя двигателем.

— Товарищ сержант, а это аномалия, да? — спросил шепотом Цимбалюк, во все глаза глядя на молнии. Те как будто растекались из одной точки в полуметре над землей, образуя сферу размером с футбольный мяч. Парень попал в батальон охраны, когда Зона перестала существовать, и знал о деструктивах только со слов старослужащих, вроде того же сержанта Спиридонова.

— Если б это была аномалия, Цимбалюк, то нас бы уже не было, — нервно хохотнул сержант, тоже не сводя глаз с непонятного явления. — Да и откуда им тут взяться? Они все вместе с Зоной исчезли.

— А может, Зона вернулась, товарищ сержант?

— Хорошо бы, — мечтательно вздохнул Спиридонов. — Но, к сожалению, это не так.

— Почему?

— Потому что, если б Зона вернулась, мы бы об этом узнали.

— Почему?

— Да что заладил, как попугай: почему да почему?!

— Простите, товарищ сержант, я не хотел, — пробормотал Цимбалюк.

Спиридонов покосился на солдата. Недавняя бледность сошла с лица рядового. Щеки парня наливались краской.

— Ладно, — проворчал сержант. — Твоей вины тут нет. Это я чего-то вспылит. Видишь ли, Зона обновлялась Выбросами. После каждого энергетического шторма появлялись новые аномалии, артефакты там всякие, ну и ряды зомби пополнялись. Понимаешь?



Водитель сначала кивнул, но тут же помотал головой.

— М-да, сложно с вами, салагами. Короче, если б Зона вернулась, то мы бы с тобой сейчас не разговаривали, а шлялись возле машины с дебильными рожами и выжженными Выбросом мозгами.

Шар из молний вдруг ярко засиял и начал стремительно расти в размерах.

Спиридонов подпрыгнул в кресле от неожиданности и заорал, показывая пальцем на лобовое стекло:

— Ты это видишь, Цимбалюк?!

— Вижу, товарищ сержант. Что это?

— Откуда я знаю! У тебя телефон с собой? А то на моем камере сломана.

— Так точно! С собой.

— Не тупи, Цимбалюк! Снимай скорее, пока эта хреновина не исчезла!

Солдат полез в карман камуфляжной куртки за телефоном. Пока он доставал аппарат и включал камеру, сфера достигла сверкающим краем облепленного трупиками мошек бампера. От прикосновения к металлу сияющий трескучими молниями шар ярко вспыхнул и с оглушительным хлопком растворился в темноте наступающей ночи, оставив после себя резкий запах озона и... трех человек в зимней одежде. Двое мужчин и женщина в разных позах лежали посреди дороги. Свет фар падал на них, как луч софита на сцене.

— Это кто? — сипло выдавил из себя Цимбалюк. Он включил камеру за мгновение до исчезновения сферы и теперь снимал незнакомцев, словно записывал последствия жуткой аварии.

— Хороший вопрос. Сам хотел бы знать, — ошарашенно пробормотал сержант.

На горизонте алым сверкнула зарница, прогремели раскаты далекого грома.

ПДА военных тревожно запиликали. По требованию администрации «Чернобыль Лэнда» каждый, кто так или иначе имел отношение к деятельности парка развлечений, пользовался подключенным к единой системе мини-компьютером. Спиридонов глянул на экран пристегнутого к запястью наладонника. Глаза сержанта расширились. Спустя мгновение салон «хаммера» наполнился воплями:

— Твою мать, Цимбалюк, накаркал, мля! Вон из машины!



Боец растерянно хлопал глазами, по-прежнему держа телефон в руке. Рядовой не понимал, с чего вдруг сержант так взбеленился.

— Да выкинь ты гребаный телефон на хрен! Выброс! Выброс грядет! Живо грузим этих в транспортный отсек — и ходу отсюда!

Сержант выскочил из «хаммера», кинулся к странной троице. Рядовой выбрался из-за руля, распахнул заднюю дверцу. Спиридонов подхватил бородатого мужчину под мышки и потащил к броневнику. Ноги незнакомца волочились по грунтовке, оставляя в пыли волнистые бороздки.

— Чего стоишь?! Помогай! И пошевеливайся, если не хочешь мозги в кисель превратить!

Бойцы загрузили бородатого в салон и побежали за остальными. Цимбалюк спасал от верной гибели женщину, а Спиридонов — парня с закрывающей половину лица кожаной маской в мелкую дырочку.

— Закрой дверь. Я за руль, — отрывисто бросил сержант, когда трое незнакомцев оказались в машине, и полез на водительское место.

Цимбалюк хлопнул дверью, обежал сзади тархтящий двигателем автомобиль. Морща нос от едкого запаха бензиновой гари, рванул на себя пассажирскую дверцу и грузно плюхнулся на сиденье.

Спиридонов врубил передачу, поддал газу. Броневик зарычал и, выбрасывая пыль и мелкие камни из-под колес, рванул с места, как застоявшийся конь.

Сержант гнал не разбирая дороги. Алые зарницы и молнии сверкали на горизонте все чаще, и даже сквозь тряску автомобиля чувствовалась нарастающая дрожь земли, как перед близким землетрясением.

Наладонники снова заверещали.

— Что там?

Сержант резко крутанул руль. Внедорожник накренился влево, объезжая огромный булыжник.

Цимбалюк в это время смотрел на экран ПДА. Когда машина еще раз вильнула, возвращаясь на прежний курс, он с глухим стуком ударился каской о бронированное стекло автомобильной двери и крикнул с паническими нотками в голосе:



— Таймер обратного отсчета запустился! Осталось меньше пяти минут!

— Не бзди, солдат, военгородок недалеко, успеем, а нет, так в зомбяков превратимся! — рывкнул Спиридонов и безумно захохотал. — Хотел Зону?! На, жири теперь, не обляпайся!

Там, где дорога огибала широкий клин из некогда плодородных земель, древесная поросль образовала нечто вроде небольшой рощицы. Стандартный путь по грунтовке увеличивал маршрут километров на десять. Сержант не стал тратить время на объезд и бросил машину напрямик в орешник. Тощие ветки захлестали по стеклам, по капоту забарабанили срубленные бампером незрелые орехи.

За полосой кустарника начиналась та самая роща. С треском ломаемая тонкие стволы березок и осин, внедорожник продрался сквозь будущий лес, оставляя за собой широкую просеку, взобрался на пологий склон насыпи и помчался к темнеющим впереди постройкам.

Как только пришло оповещение о скором катаклизме, солдаты и технический персонал укрылись в подземном убежище. Правда, поначалу мало кто поверил в грядущую опасность в силу отсутствия специфического опыта. Пришлось тем, кто не понаслышке знал, что такое Зона, пинками и отборным матом объяснять новичкам, чем грозит пренебрежение мерами безопасности во время Выброса.

«Хаммер» влетел на территорию опустевшего военного городка за минуту до начала пси-шторма. Когда массивный бампер протаранил ворота гаражного бокса, небо из темного стало багровым. Громыхало, как во время грозы. Броневику промчался между рядами таких же, как он, запыленных внедорожников. Засвистел тормозами, рисуя черные полосы на бетоне, пошел юзом и чуть не врезался правым бортом в заднюю стену гаража.

— Успели, — выдохнул Спиридонов, устало подмигивая рядовому. — Значит, еще поживем.

— Так точно, — кивнул Цимбалюк, и его губы расплылись в глупой улыбке.

А за воротами — с оглушительным грохотом, треском и ослепительными вспышками небесных огней — Зона пробуждалась от долгого сна.

ЧАСТЬ 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ УТРАЧЕННОГО

Глава 1

Новая реальность

Ефим Моргенштейн бросил взгляд на висящие над дверью часы. Рабочий день давно закончился, но это ничего не значило. Управляющий парком развлечений приходил на работу к восьми утра и покидал кабинет поздно вечером, после составления ежедневного отчета для своего тестя. Игорь Михайлович Богомолов являлся фактическим хозяином «Чернобыль Лэнда», тогда как по документам территория отчуждения вокруг ЧАЭС принадлежала другому человеку.

Подставной владелец невероятно прибыльного актива играл роль свадебного генерала. Он регулярно появлялся на светских раутах, встречался с известными людьми, давал интервью и занимался благотворительностью, создавая вокруг «Чернобыль Лэнда» ореол социально ответственного бизнес-проекта. Ему тоже подавали отчеты, но не каждый день, а раз в месяц, и содержалась в них строго дозированная информация, да еще и с сильно заниженными показателями доходности.

Но не только работа заставляла Ефима проводить столько времени в кабинете. «Чернобыль Лэнд» вобрал в себя все лучшее, что могла дать жаждущим удовольствий состоятельным людям современная индустрия развлечений. Это был не просто сафари-парк, где можно было вволю поохотиться на псевдомутантов или поучаствовать в поисках «артефактов». В здешних барах, казино, клубах и высококлассных борделях круглосуточно кипела жизнь.

Богомолов не скрывал своей неприязни к зятю и не раз намекал тому, что следит за каждым его шагом. Моргенштейн не знал достоверно, так это на самом деле или нет, но не исключал



возможности, что в парке у Богомолова есть осведомители. По этой причине Ефим предпочитал обходить стороной значные места «Чернобыль Лэнда», а чтобы не тронуться умом от безделья, подолгу пропадал на работе.

В свободное от служебных обязанностей время Моргенштейн баловался сочинительством. В своих историях он воплощал не реализованные в жизни фантазии, часто с асоциальным уклоном. Особенно в них доставалось нелюбимой жене и ее отвратительному папаше.

Подобная психотерапия была для него чем-то вроде предохранительного клапана. Раз за разом выплескивая накопленное недовольство на бумагу, Ефим сохранял душевное равновесие, бодрость духа и находил в себе силы для любезного общения с женой и тестем во время регулярных сеансов видеосвязи.

До полуночи оставалось чуть больше часа, когда Моргенштейн трагическим финалом закончил рассказ о морской прогулке ненавистных родственников. Поначалу он хотел, чтобы на яхту Богомолова напал гигантский спрут и утащил корабль на дно вместе с пассажирами. Потом решил, что будет лучше, если в тумане яхта столкнется с огромным контейнеровозом, а оказавшихся в воде жену и тестя сожрут акулы, но передумал. Ему показалось, что кораблекрушение — слишком мягкий вариант, и он вплел в историю жестоких сомалийских пиратов. В итоге Богомолова и его дочь все-таки сожрали акулы, но перед этим пираты вдоволь потешились над одной, а другого избили до полусмерти, порезали ножом и скинули за борт в качестве приманки. Когда же окрашенная алым вода забурлила из-за дерущихся за добычу морских хищниц, благоверная Моргенштейна отправилась следом за папашей и в полной мере прочувствовала на себе, каково это — быть главным блюдом на званом обеде.

Испытывая удовлетворение от хорошо проделанной работы, Ефим прочитал готовый рассказ, внес кое-какие поправки и отправил текст на печать. Принтер заурчал, быстро выплевывая отпечатанные листы один за другим.

Прежде чем выключить компьютер, управляющий удалил файл из памяти машины. Это была необходимая предосторожность: Богомолов вполне мог иметь доступ к его компьютеру. По



этой причине Ефим предпочитал хранить в электронных мозгах только связанную с деятельностью парка информацию, а «нетленки» прятал в потайном отсеке стоящего в углу сейфа. Вот и сейчас Моргенштейн встал из-за стола, проследовал к тайнику и зазвенел ключами.

После того как очередная история была надежно спрятана от чужих глаз, хозяин кабинета посмотрел в окно. С высоты второго этажа расставленные вдоль дорожек декоративные фонари казались парящими над землей светлячками. На горизонте алым вспыхнула и погасла зарница, где-то далеко пророкотал гром. Фонари мигнули и погасли. Чуть позже луна спряталась за приползшей с востока тучей, и наступила такая тьма, что хоть глаз выколи.

Время шло, но фонари и не думали загораться вновь. Управляющий полез в карман пиджака за телефоном, вывел на экран планировщик задач и набросал напоминание вызвать утром главного инженера, после чего покинул кабинет.

Пока он шел к лифту по мягкой ковровой дорожке, потолочные светильники несколько раз мигнули. Моргенштейн не стал искушать судьбу и спустился в подземный гараж по лестнице.

Обычно он возвращался с работы пешком, но сегодня решил проехаться на автомобиле. И не потому, что устал. Просто Ефим Соломонович привык во всем полагаться на свое чутье, а чувство нарастающей тревоги появилось у него еще там, в кабинете, когда вдруг ни с того ни с сего погасли уличные фонари.

Неприятности посыпались как из рога изобилия, стоило управляющему оказаться на нижнем ярусе здания. Не успел он сделать и пары шагов, как раздался глухой рокот, пол под ногами закачался, как будто Моргенштейн внезапно оказался на палубе идущего по волнам корабля. С потолка посыпались песок и крупницы бетона. С трудом сохраняя самообладание, Ефим оперся рукой на одну из поддерживающих плиты перекрытия толстых колонн и чуть согнул ноги в коленях.

Похожий на шум морского прибоя низкий гул исчез так же внезапно, как и появился за несколько мгновений до этого. Вместе с ним пропала и загадочная вибрация.



Моргенштейн не торопился отходить от колонны. Он как будто прилип к ней, медленно считая до десяти. Предчувствие опасности не отпускало. Напротив, оно стало сильнее. В затылке появилась знакомая пульсирующая боль, словно невидимый дятел долбил клювом черепную кость изнутри.

Секунды текли одна за другой, но ничего странного больше не происходило. Управляющий подумал было, что интуиция на этот раз обманула его, как вдруг помещение подземной парковки снова заполнил тот самый рокошущий гул и последовал такой мощный толчок, что Моргенштейн не устоял на ногах и упал на колени. Боль из затылка разлилась по всему черепу и стала такой сильной, что он закричал, не слыша своего голоса: в ушах стоял звон, словно неподалеку озорные подростки взорвали петарду. Ефиму показалось, что он ко всему прочему ослеп, но это всего лишь на краткий миг помутилось сознание. Правда, когда зрение вернулось, управляющий какое-то время ничего не видел из-за плавающих перед глазами разноцветных кругов.

Испуганный, полуслепой и наполовину глухой, он не сразу понял, что рядом с ним кто-то есть. Этот кто-то потряс вопящего Моргенштейна за плечо. Ефим Соломонович поднял голову и скинул слезящиеся глаза в сторону стоящего рядом с ним человека в сталкерском комбинезоне.

— Хорош орать, оглушил совсем, — сердито проворчал незнакомец.

— Вы кто такой? — всхлипнул Моргенштейн, вытирая кулаком глаза. Увидел нашивку «служба сопровождения» на рукаве мужчины и понял, что перед ним один из подчиненных. Страх мгновенно улетучился. Его место заняла злость на нелепую ситуацию. Моргенштейн поднялся, стряхнул пыль со штанин и рывкнул, брызжа слюной:

— Какого черта тут ошиваешься?! Отвечай, когда тебя управляющий парком спрашивает!

— Живу я здесь, — невозмутимо сказал незнакомец. — И, это, не ори, хватит из себя начальника корчить. Нет больше никакого парка.

— Как нет? — опешил Моргенштейн.